
ФИЛОЛОГИЯ

E. N. Афанасьева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «НЕБО» В КАРТИНЕ МИРА ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются способы вербализации концепта «небо» как одного из ключевых понятий якутской культуры. Проекции концепта через мифологический, языковой и фразеологический материал способствуют более полному представлению содержания и выявлению основных признаков.

Ключевые слова: концепт «небо», концептуальные признаки, языковая картина мира.

E. Afanasieva

Representation of the Concept ‘Sky’ in the Yakut Language

The article deals with the verbalization of the concept sky, one of the key concepts of Yakut culture. Mythological, linguistic and phraseological material provides a fuller representation of concept content and its main constituents.

Keywords: concept ‘sky’, conceptual dimensions, linguistic picture of the world.

Язык является средством хранения культурно-исторической информации. Е. М. Вещагин и В. Г. Костомаров раскрыли содержание кумулятивной (культуроносной) функции языка как хранилища коллективного опыта, обеспечивающего связь времен [5, с. 10]. В каждой лингвокультурной общности реалии внешнего мира преломляются через специфику жизнедеятельности и духовной культуры народа. Целью настоящей статьи является исследование способов вербализации концепта небо в якутском языке как одного из ключевых понятий культуры и выявление его содержания в картине мира якутского языка. В связи с этим поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть понятие неба в мифологической картине мира тюрко-монгольских народов, 2) проследить этимологию якутского слова

«халлаан» — небо, 3) анализ лексической сочетаемости анализируемого слова, 4) анализ семантики фразеологизмов с компонентом «халлаан».

В настоящей работе в определении термина «концепт» применяется лингвокультурологический подход, концепт рассматривается как ментальная единица, отражающая знание об окружающей действительности и опыт человека, носителя определенной культуры. За основу принимается точка зрения Ю. С. Степанова, согласно которой «концепты представляют собой коллективное наследие в сознании народа, его духовную культуру, культуру духовной жизни народа» [19, с. 167]. Современных лингвистов интересует сопоставительный аспект концепта небо с целью выявления национально-культурной специфики картины мира

исследуемых языков. К. С. Миронова рассматривает концептосферу «небо» в системе русского, английского и немецкого языков. Концептосфера небо представлена как сложная система концептов, аккумулирующая знание о небе как об определенном фрагменте окружающей действительности. В структуре концептосфер *sky/heaven* и *Himmel* автором выделены ядерные и периферийные концепты [11].

В работах О. В. Кривалевой представлено комплексное сопоставительное исследование концептов «небо»/«*Himmel*» и «земля»/«*Erde*» в русской и немецкой языковых картинах мира. На примере двух языков дается описание развития антонимических концептов, раскрывается динамика становления их семантической структуры, устанавливаются системные отношения между отдельными частями языковой картины мира. Подчеркивается значимость концептов в процессах познания и оценочной деятельности человека. Результаты исследования подтверждают, что «небо»/«*Himmel*» и «земля»/«*Erde*» относятся к разряду ключевых концептов, существенных для понимания соответствующих культур, поскольку: а) играют важную роль в рамках религиозной, этической, эмоциональной сфер и в области моральных суждений; б) оказывают влияние на оценочную деятельность представителей языковых общностей; в) образуют центры отдельных областей фразеологической и пословичной картин мира, отражающих мировоззрение и обыденные взгляды носителей языков. Специфика концептов указывает на различия ценностных установок и связана с особенностями менталитетов носителей того или иного языка [8].

В восточной философии основу мироздания составляет триада небо — человек — земля. Мир, окружающий человека, представлен Небом и Землей. В древнетайской философии Э. И. Исмаилова отмечает доминирующие черты анимизма в отношении окружающей среды, в частности, неба, земли, солнца и луны. Согласно воз-

зрениям китайцев, мир вначале представлял собой хаос, состоявший из мельчайших частиц — *ци*. В результате разделения *ци* возникли янь (небо) и инь (земля) как противоположные начала. Лишь после такого размежевания *ци* появился человек. Небо в китайской философии — верховное божество. В конфуцианской книге «Шу-цзин» (IV в. до н. э.) сказано, что небо наблюдает за народом, ведает справедливостью, посыпает урожай и неурожай. От милости неба зависит судьба народа. Мир и спокойствие на земле, обильный урожай — свидетельство доброго расположения Неба. И, наоборот, наводнения, землетрясения, голод, бунты, эпидемии — предвестники «небесного гнева». Искусство угадывать «настроение» неба считалось редким даром. Небо карало людей за дурные поступки, существовала вера в «небесных животных» [7, с. 317]. Отождествление неба с богом в древнетайской философии нашло отражение в семантической структуре слова *тянь*, которое обозначает *небо* и *бог*. О дуальной оппозиции «земля — небо» упоминается в манихейских учениях. Исследование историко-культурной значимости содержания концепта «земля» в древнеуйгурском литературном языке, проведенное Р. Р. Бавдиновым, показывает землю и небо как противопоставление светлого и темного начал. Небо — олицетворение светлого начала, земля — темного. Земля — посредник между «низшим» и «высшим» миром. Земля — как средоточие греха, небо — как средоточие очищения от греха, оппозиция по признаку «чистое — грязное» [2, с. 28–29].

Орхонские надписи в Монголии, связанные с историей Тюркского каганата в Центральной Азии, свидетельствуют о существовании культа неба у тюркских народов. К ним относятся памятники рунического письма, прославляющие вождей Бильгекагана, Кюль-тегина и Тоньюокука, датированные VIII веком. В. Бартольд в предисловии к грамматике «Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei» В. Радлова приводит

примеры из текста надписи: «Am Anfang ist der blaue Himmel und die braune Erde entstanden, zwischen beiden sind die Menschensöhne entstanden...» [26, с. 5]. «Вначале возникли голубое небо и бурая земля, а между ними — сыны человеческие...». Л. Н. Гумилев писал о существовании культа неба — Тенгри — в религиозных верованиях тюркотского народа, об обряде жертвоприношения небу, зафиксированного вплоть до конца XIX в. у качинцев. Поклонение «Духу неба» сохранилось до начала XX в., хотя претерпело значительную метаморфозу [6, с. 87]. Als oberste Gottheit wurde, wie später bei den Mongolen, der «blaue Himmel» verehrt. Das Wort tājri bezeichnet in unseren Inschriften sowohl den materiellen Himmel, wie den Himmel als Gottheit. Wir haben Nachrichten, dass noch im XI. und XII. Jahrhundert die Gottheit bei den Turken kök tājri («der blaue Himmel») genannt wurde, <...> [26, с. 9]. «Голубое небо» позже, как и у монголов, почиталось как верховное божество. Слово *tājri* в наших надписях означает как материальное небо, так и божество. У нас есть информация о том, что еще в XI и XII вв. тюрки называли божество *kök tājri* («голубое небо»). Как и у древних китайцев, жизнь у тюрков зависела от воли небесного бога. Vom Himmel leitet der Herrscher seine eigene Gewalt ab... [26, с. 10]. «С неба господь направляет свою волю...». Культ неба у тюрко-монгольских народов в современной научной литературе получил название «тэнгрианство» от «тэнгри» — небо, бог.

Н. В. Абаев, В. Р. Фельдман, Л. К. Хертек считают, что тэнгрианство (т. е. «Белая Вера») на ранних этапах этногенеза и культуры-реконструкции являлось системообразующим элементом в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов и духовно-культурной основой кочевнической цивилизации Саяно-Алтая и Центральной Азии. Образ «Белого Старца» представлен как саяно-алтайская культурно-историческая вариация тэнгрианства, называемая «Белой

Верой»: «“Белый Старец”» первоначально почитался как тотемный предок одного из сакских родов, населявших Саяно-Алтай еще в дотюркский и догуннский периоды, т. е. в скифо-сарматскую, «древнеарийскую» эпоху» [1, с. 13]. Этот персонаж религиозно-мифологической традиции народов Саяно-Алтая, по мнению авторов, относится к древнейшей ветви тэнгрианства, а возможно, — к самому древнему и основному варианту.

Исследования Е. С. Шойсовой выявили, что концепт «небо» представляет собой компонент этнической картины мира бурятской языковой личности как наиболее этнически значимый образ бурятской культуры. Древние монголы почитали небо как самое сокровенное и святое. Обращение монгольских кочевников к небу «Хухэ мунхэ тэнгэри» трактуется как «Отец наш — Небо». В мифологии бурят небо является символом мужского начала. Вместе с женским божеством Улгэн Дэлхэй Эхэ («необъятная Мать-Земля») они являются первопредками всех живых существ во Вселенной [22].

В мифологической картине мира якутов небо является одной из трех сфер мироздания, необходимой для существования человека. Вселенная представлена в виде исполненного дерева Аал Луук Мас, на котором расположены три сферы существования человека, — верхний, средний и нижний миры. Если нижний мир является прообразом преисподней, то небо — среда обитания не только небожителей, но и некоторых злых духов. Поэтому в содержании оппозиции «верхний мир — нижний мир» отсутствует симметрия в виде противопоставления добра и зла. Три сферы Вселенной населены многочисленными божествами (айы), демонами (абааы), духами-хозяевами (иччи), а также духами умерших предков и животных (үөр). В восточной и южной части Верхнего мира (неба) обитали творцы (айы) и добрые духи, первопредки Эллэй айы, Омоюй тойон, светлые шаманы

айыы и другие знатные родоначальники. Западную и частично южную сторону неба занимали злые божества и духи абааны во главе с грозным Уллу тойоном [4, с. 89–90]. Якутская мифология свидетельствует о существовании обряда поклонения небесам. Считалось, что верховное божество якутов Юрюнг Аар (Айыы) Тойон (Белый святой господин, Белый старец) с неба воршил судьбы людей земли. Герой эпоса олонхо «Эр Соготох» («Одинокий воин»), обращаясь к небесному божеству с просьбой, преподносит чашу с кумысом:

Воин Эр Соготох на колени
Опустился, возврался на небо,
стал творить заклинанья с чороном:
„О Великий Небесный хозяин,
Юрюн Ар, величавый владетель
Девяти белых ярусов неба...“ [24]

В олонхо „Куруубай Хааннаах кулун Куллустуур“ („Строптивый Кулун Куллустуур“) небо является владением высшего божества — Юрюнг Айыы Тойона — господина девяти небес, царя восьми небес, князя семи небес: «тоңус халлаан тойоно, аյыс халлаан ыраахтаабыта, сэттэ халлаан кинээнэ» [10, ст. 1420]. Согласно мифологии, небожители обитают за семью (восемью, девятью) небесами. Небо имеет четыре направления (восток, запад, север, юг), обустроено как земля: «Добун халлаан куораттаах,...Кылбагыр халлаан кыстыктаах,/ Сатыы халлаан дъаарбан-калаах,/ Сырдык ырай сыккыабалаах» [10, ст. 1450]. *Владение (город) его <Юрюнг Айыы Тойона> могучее высокое небо, зимовье — в ясном небе, ярмарка — в нижнем небе, а обитель его — светлый рай.* Небо наделяется эпитетами, состоящими из названий хищных птиц: «ексөкуллээх үрдүк халлаан» — высокое небо с орлом, «хардааччылаах хабырыттар халлаан» — гремящее небо с ястребом, «кырбыйдаах кыртас халлаан» — сверкающее белизной небо с птицей-кобчиком, «мохсо боллоох

модун халлаан» — могучее небо с соколом. Слово «халлаан» — небо встречается в следующих сочетаниях: «добун халлаан» — высокое небо, «үрдүк мэнэ халлаан» — высокое вечное небо, «айыы дугуй халлаан» — святое невесомое небо, «кылбагыр халлаан» — ясное небо, «сатыы халлаан» — нижнее небо, «кинкиниир киэн халлаан» — гулкое просторное небо.

Небо связано с ранними верованиями. Небесные писари заранее записывают судьбу каждого человека: «Халлаан гиэнэ алта атыыр / Дыылба суруксугтара/ Халлаан аркыбатын арыян көрбүттэр» [10, ст. 2390]. Шесть великих небесных писарей судьбы посмотрели архив Неба. По небу, превратившись в облако, путешествуют шаманы и шаманки. Поэтому каждое облако имеет свою характеристику: «ойуун олорбут ойук былыта» одинокое облако, на котором сидел шаман, «Абааны най хара былыта» тяжелая черная туча злого духа, «киирэр мэнэгэйдээх былыт иччите, Илбис кыына» Богиня войны, дух взбесившегося облака, «ааһар былыт» проходящая туча, «куотар былыт» ускользающая туча, «уулаах-хаардаах най хара былыт» дождевая тяжелая черная туча, «тоңус суор түүтүн бурайа туппут курдук/ буурба хара төлөн былыт» черная туча, похожая на ворох перьев девяти черных ворон, «этиннэх былыттар» грозовые облака. Противоборство между добрыми и злыми духами передается через гром, молнию и ветер. Описание каждого движения, изменения цвета облака служит метким средством создания напряженной, острой ситуации: «Этинниин-чаылбанныын/ Былыт арбаа халлаан алын сайытын диэки/ Таңнары санннылыйан сааллан түстэ» гремя и сверкая молниями, облако стремительно упало вниз к горизонту западного неба, «Абааны най хара былыта/ ере өрүкүйэн күдээрийэн табыста» черное

бесовское облако вихрем устремилось ввысь,
«[былыт] Кинкиниир киэн халлаан / Кэтит
өрөбөтүгэр/өрө ыныытаан буржачыйан
таңыста» вдруг облако со свистом взмахнуло в
самый верх гулкого высокого неба [10, ст. 70].

Таким образом, небо в якутской мифологии обустроено как земля, имеет четыре стороны (север, восток, юг, запад), состоит из нескольких (восьми или девяти) слоев. Владыкой неба является высшее божество якутов — Белый святой старец Юрюнг Айыры Тойон. На небе обитают и добрые, и злые духи, небожители, которые вершат земной жизнью. В мифологической картине мира якутов не прослеживается четкое противопоставление неба и земли как олицетворение доброго и злого начала.

Этимология слова «халлаан»

В современном якутском языке слово «халлаан» имеет два значения: актуальное значение — *небо*, вторичное — *погожий, ясный (день)*, выполняет функции имени существительного и прилагательного. Связь неба с богом не отражается в словарных дефинициях. Бог в якутском языке обозначается словом «танарап».

В установлении этимологии слова *халлаан* существуют две точки зрения: 1) слово тунгусо-маньчжурского происхождения (Э. Пекарский); 2) слово восходит к древнетюркскому *qalyq небо* (Н. К. Антонов, Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо и др.).

В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского имя существительное «халлаан» сравнивается с маньчж. галга, галгань *чистое, ясное небо, ведро* и имеет два значения: 1) *светлый, чистый, ясный (о небе)* халлаан *күн*; 2) *небо (видимое), небеса; ясное (светлое, голубое) небо, ясная погода, ведро; (иногда) воздух (салтын)* [13]. Исследователи придерживаются единого мнения в том, что слово «халлаан» является производным от глагола «халын» *очищаться от облаков, проясняться (о небе)* (О. Бетлингк, Э. Пекарский, П. А. Слепцов). Частичное совпадение звуковой стороны слова и пол-

ное совпадение значения свидетельствуют об отношении маньчжурских основ в образовании глагола халын, например: нан. галга — *солнечный, ясный, безоблачный, хороший (о погоде)*; галго — *проясниться (о погоде)*, орок. га:л — *стать ясным (о погоде)*, ма. галга — *проясниться (о погоде)*, галган — *чистый, ясный (о небе)* [17, с. 138]. По всей видимости, значение слов халлаан, халын является следствием контаминации тюркских (*qalyq*) и тунгусо-маньчжурских форм (галга, галго).

Происхождение тюркского наименования неба *täŋri* и его соответствия были исследованы Б. И. Татаринцевым [20]. Проблеме этимологии якутских слов *куөх, танарап, халлаан* посвящена статья П. А. Слепцова. Им поддерживается тунгусо-маньчжурское происхождение слова *халлаан*, однако, по его мнению, этимология слова требует уточнения [16, с. 94]. А. М. Щербак отмечает древнетюркский глагол *qaly* как собственно тюркский со значением *подниматься, взлетать*; м.-п. *qali* имеет еще значение *летать, парить* [23]. Авторы работы «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» (2001), проводившие реконструкцию состава пратюркского лексикона, обнаружили в тюркских языках три обозначения небесной сферы: 1) *kök* — *небо, голубой*; 2) *täŋri/ täŋru* — *небо, бог*; 3) *kalyk* — *небо, воздушное пространство* [18, с. 724]. Якутское слово «халлаан» возводят к форме *qalyq* (др-уйг, крх-уйг, ср.-уйг *xałyq*), образованной от древней глагольной производящей основы *qaly* (ДТС 411) — *подниматься, взлетать посредством имя-образующего афф. — q со страдательным значением — нечто, поднятое вверх*. Приводится пример употребления синонимов в словосочетании *kök qalyq* в древнетюркских памятниках. В письменных памятниках и в современных тюркских языках отмечены два значения слова *täŋri* — *небо и божество*. Авторы отмечают, что значение *небо* в большей степени сохранилось в тех

языках, носители которых сохраняют еще древние верования и шаманизм (киргизский, алтайский, сорыг-югорский, хакасский, тувинский, тофаларский языки). В современных языках слово тайрі выступает главным образом в значении *бог* (татарский, кабардино-балкарский, уйгурский языки), отмечается значительное уменьшение его употребления в значении *небо* [18, с. 59–61]. В современном якутском языке слово *куөх* (ср. *көк*) означает зеленый и голубой, синий цвета, *таңара* —, халлаан — небо. Связь неба с богом проявляется в сочетании халлаан таңарата — *небесный бог*. В устной поэтической традиции слово «халлаан» встречается с архаическими эпитетами добун — *высокий, мэнэ* — *вечный*, ср. бур. добуу(н) *возвышенное место, холм, бугор; курган; монгол (могил)* *вечность, вечный* [3]. Проблемы происхождения имени «халлаан» остаются не до конца решенными. Ясно, что семантика слова объединяет признаки полета (ср. др.тю. *qaly* — *подниматься, взлетать*) и ясной погоды (ср. ма. галга — *проясниться (о погоде)*). Следовательно, не исключается возможность образования слова: 1) от *qalyq* вследствие контаминации с прототипом глагола халын (галга, галго); 2) вследствие ложной этимологии; 3) вследствие подчинения закону созвучия.

Лексическая сочетаемость слова «халлаан»

Имя существительное «халлаан» в якутском языке не имеет синонимов, поэтому наиболее релевантным показателем контекстуальных признаков является его лексическая сочетаемость. Под лексической сочетаемостью понимается способность данной лексемы сочетаться с другой лексемой и проявлять избирательность в соединениях с другими словами (Е. С. Кубрякова) [9, с. 135]. Вслед за О. Н. Селиверстовой в настоящей работе признается существование зависимости между значением и употребле-

нием. Значение может выводиться из фактов употребления, так как употребления зависят от значения. Допустимая сочетаемость языкового знака определяется значением языковых единиц [15, с. 47]. На основе анализа минимального контекстуального окружения слова выделены основные содержательные характеристики концепта **халлаан** — *небо*:

открытый объект — былтыырар — покрывается облаками (былтыынан бүрүллэр, сабыллар), арыллар — *открывается*;

светящийся объект — сырдыыр — становится светло, суңуктуйар — *светает*, кыңыңар — *озаряется*, харынаар — *темнеет*, халлар — *проясняется*; халлаан сырдыыта — *рано утром на заре*, суңуктуйута — *засветло*;

имеет цветовые характеристики — ыраас — чистое, күөх — *синее (голубое)*, харана — темное, халлаан күөбэ — *голубой (синий) цвет*;

имеет временные характеристики — сааскы — *весеннее*, сайынны — *летнее*, күнүнны — *осеннее*, кыңынны — *зимнее*, сарсыardaанны — *утреннее*, түүнчүү — *ночное*;

совершает действия на землю — ардыыр — *идет дождь*, хаардыыр — *идет снег*; оказывает температурное воздействие — тымынайар — *становится холодно*, сылыайар — *погода теплеет*, ириэрэр — *начинается оттепель*, тыалырар — *поднимается ветер, разг. буорайар — распогодиться, испортиться (о погоде)*, перен. иирэр (иирэн турда), перен. илгистэр — *впадает в бешенство*, перен. көнөр — *установилась хорошая погода*;

имеет форму — халлаан ньуура — *пространство неба, оройо — вершина, зенит, (илин, арбас, соңуруу, хоту) сабата — край, кромка, горизонт, үрдүк — высокое, киэн — широкое, просторное, анаас — открытое, поэт. үрдүк мэнэ халлаан, добун хал-*

лаан; **халлаанна** көт (халлааннаан көт) — взлетать в небо, таңыс — подниматься на небо, ытын — взбираться в небо, тиийэ/тиийэр — до небес/ дойти до небес, турдарбын халлаанна тиийиэм диир баар үнү. Если бы я поднялась, то дошла бы до небес (загадка, ответ: суол дорога).

имеет объекты — халлаан эттиктэрэ — небесные тела; былыттаах — покрытое облаками, былыта сух — ясное, сулустаах — звездное халлаан; **халлаанна** тугу эрэ көр — видеть что-либо на небе, үнүн — плыть по небу [14, с. 7].

Таким образом, небо — это высокий, просторный, открытый объект, имеющий вершину, края, стороны, тела со световыми, цветовыми, температурными, темпоральными и антропоморфными характеристиками, влияет на погодные условия земли, оказывает действие на землю.

Устойчивые словосочетания с компонентом «халлаан»

По мнению В. Н. Телия, фразеологизмы играют особую роль в создании языковой картины мира. Природа значения фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Фразеологизмы приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст), оценивают ее, выражают к ней отношение. Своей семантикой фразеологизмы направлены на характеристику человека и его деятельности [21]. Семантика фразеологических единиц якутского языка с компонентом «халлаан» в основном содержит отрицательную коннотацию:

- характеристика человека, связанная с актуализацией признака «бесполезный»: халлаан киñитэ разг. — неприспособленный к жизни человек, халлаан уола — шаловливый ребенок, букв. — небесный парень; хал-

лаан суруксуга 1) кэпс. — безграмотный, неграмотный, букв. — небесный писарь;

- вербальное поведение человека — вранье — мотивировано признаком «нечто пустое, бесполезное»: халлаан тойуга — вздор, чепуха, глупости; халлааны туайар (тылланаар, эрдэр) — нести всякую чушь; молоть вздор, чепуху; нести ахинею; халлааны дайбатыма разг. — не лги, не ври, не сочиняй, букв. — замахиваться на небо; халлаантан ыл — брать с потолка, букв. — брать с неба [12];

- актуализация значения «напрасная трагедия усилий» основана на признаком «пустота»: халлаантан аста кэтэс — ждать у моря погоды, букв. — ждать, пока птица с неба упадет [25]; халлааны харбаан, хайынары миинэн, хаары ытынан хаалбыт — потерять, упустить все; остаться с пустыми руками (Кулаковский); халлаан сырыыта — напрасная, бесполезная поездка, букв. — небесная поездка; халлаан эрэйэ — пустая трагедия труда, времени, энергии, букв. — небесные муки;

- обозначение стремления к недостижимому обусловлено признаком «недоступность»: халлаанна харбас — пытаться достичь недостижимое, букв. — стремиться к небу [12];

- психологическое состояние растерянности, потеряянности передается через изменение визуальных характеристик неба: халлааным харнаарда — небо с овчинку показалось, экв. земля уходит из-под ног, букв. — небо потемнело.

Нередко лексические единицы «земля» и «небо» вместе встречаются в составе одного фразеологизма как две составляющие Вселенной: сир-халлаан икки ардыгар хаалла — остался в неопределенном состоянии, букв. — между небом и землей; халлааннаан да көппутэ, сирдээн да тимирбитэ биллибэт — как сквозь землю провалиться, букв. — неизвестно, то ли он провалился сквозь землю, то ли улетел в небо; сирдээн

тимириэбин — сир кытаанах, халлааннаан көтүөбүн — халлаан ыраах — не знать куда деваться (напр., от гнета, гонения); не знать, что предпринимать (напр., от испуга), букв. — чтобы провалиться сквозь землю — земля твердая, чтобы взлететь в небо — небо далеко [25]. Таким образом, в якутской фразеологии компонент «халлаан» мотивирует в семантике фразеологических единиц значения, основанные на таких признаках, как пустота, бесполезность и недоступность.

Культ неба был распространен на востоке в Древнем Китае и у тюрко-монгольских народов. Небо и земля противопоставлялись как светлое и темное начала, а земля оказывалась посредником между верхним и нижним мирами. У монгольских народов отмечается связь неба с культом предков. У якутов небо является прообразом земли, на нем обитают не только добрые, но и злые небожители и предки. Мифологический материал позволяет провести параллель между образом верховного божества древних якутов УруН Айы Тойоном (досл. — Белый святой господин), обитающим на небесах, и образом тотемного предка сакских народов Саяно-Алтая — «Белым старцем»

[1]. Дальнейшее исследование в этом направлении могло бы раскрыть новые страницы связи якутской культуры с духовной культурой саяно-алтайских народов.

Как показывает анализ, представления о небе в мифологической, языковой и фразеологической картинах мира не совпадают. Языковые репрезентанты не подтверждают данные мифологической картины мира. В языковой картине мира небо не ассоциируется с богом, а является местом обитания как божественных («халлаан таңарата» — небесный бог), так и демонических сил («халлаан абаңыта» — небесные бесы, демоны). Этимология слова «халлаан» требует уточнения: очевидно, что оно является результатом взаимодействия разных субстратно-суперстратных основ. По данным языка, небо представлено как пространство, обладающее определенными параметрами (имеет размер, форму), воспринимается человеком через зрительное и температурное ощущение, имеет темпоральные характеристики и влияет на земную жизнь. Фразеологическая картина мира выдвигает на первый план такие концептуальные признаки неба, как пустота, бесполезность и недоступность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев Н. В., Фельдман В. Р., Хертек Л. К. «Тэнгрианство» и «Ак-Чаян» как духовно-культурная основа кочевнической цивилизации тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая и Центральной Азии // Социальные процессы в современной Западной Сибири: Сборник научных статей. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2002. С. 10–18.
2. Баединов Р. Р. Историко-культурное пространство концепта «земля» в древнеуйгурском языке: семантический потенциал и религиозная коннотация (предварительные материалы) // Вестник ВЭГУ. 2007. № 29/30. С. 24–29.
3. Бурят-монгольско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов / Под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева, 25 000 слов. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.
4. Васильев В. Е. Г. Ф. Миллер и якутский шаманизм // Россия — Германия: историко-культурные контакты: Мат-лы. Междунар. научн. конф., посв. 300-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера. Якутск, 2006. С. 86–98.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: / Метод. руководство. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1983. 269 с.
6. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. 575 с.
7. Исмаилова Э. И. Китайская философия в контексте диалога Восток-Запад // Общечеловеческое и национальное в философии: Кантовские чтения в КРСУ: II Международная научно-практическая кон-

- ференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.): Материалы выступлений / Под ред. И. И. Ивановой. Бишкек, 2004. С. 315–320.
8. Кривалева О. В. Сопоставительная характеристика концептов «небо»/ «Himmel» и «земля»/ «Erde» в рамках исследования данных различных уровней языковой системы // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2006. № 3. С. 85–89.
9. Кубрякова Е. С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 81–155.
10. Күруубай Хааннаах Кулун Куллустуур. Якутское олонхо / Сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов. М.: Наука, 1985.
11. Миронова К. С. Концептосфера *небо* в английском и немецком языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 19 с.
12. Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. Т. 1. 287 с.
13. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. М., 1958–1959. 3858 стрл.
14. Сахалы тыл ситимин тылдыты: аат тыл: Словарь сочетаемости якутского языка: имя существительное / Сост. Е. Н. Афанасьева, Л. М. Готовцева. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2009. 110 с.
15. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
16. Слепцов П. А. О словах *күөх*, *таңара*, *халлаан* в якутском языке // Вопросы филологии: Сер. «Урало-алтайские исследования». 2009. № 1. С. 92–94.
17. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Сост.: В. А. Горцевская, В. Д. Колесникова, В. А. Константинова, К. А. Новикова, Т. И. Петрова, В. И. Цинциус, Т. Г. Бугаева / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1975. 472 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. / Ред. Е. А. Потцелуевский / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
19. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 824.
20. Татаринцев Б. И. О происхождении тюркского наименования неба (тэнре) и его соответствий // Советская тюркология. 1984. № 4. С. 73–84.
21. Телия В. Н. Образные средства языка. М.: Народное образование, 1995. 200 с.
22. Шойсюрова Е. С. Языковая личность: этнический аспект: на материале бурятской языковой личности: Дис. ... канд. филол. Улан-Удэ, 2006. 190 с.
23. Щербак А. М. Тюркско-монгольские языковые связи (К проблеме взаимодействия и смешения языков) // сайт *Monumenta altaica* www.altaica.ru.
24. Эр Соготох. Якутское сказание // Сибирские сказания / Пер., перелож. и вступ. статья А. Преловского. М.: Современник, 1991. С. 329–394.
25. Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 720 с.
26. Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. St. Petersburg, 1897. S. 1–36.

REFERENCES

1. Abaev N. V., Fel'dman V. R., Hertek L. K. «Tjengrianstvo» i «Ak-Chajaan» kak duhovno-kul'turnaja osnova kochevnicheskoy tsivilizatsii tjurko-mongol'skih narodov Sajano-Altaja i Tsentral'noj Azii // Sotsial'nye protsessy v sovremennoj Zapadnoj Sibiri: Sbornik nauchnyh statej. Gorno-Altajsk: RIO «Univer-Print», 2002. S. 10–18.
2. Bardinov R. R. Istoriko-kul'turnoe prostranstvo kontsepta «zemlja» v drevneujgurskom jazyke: semanticheskij potentsial i religioznaja konnotatsija (predvaritel'nye materialy) // Vestnik VEGU. 2007. № 29/30. S. 24–29.
3. Burjat-mongol'sko-russkij slovar' / Sost.' K. M. Cheremisov / Pod red. C. B. Tsydendambaeva, 25 000 slov. M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarej, 1951. 852 s.

4. *Vasil'ev V. E.* G. F. Miller i jakutskij shamanizm // Rossija — Germanija: istoriko-kul'turnye kontakty: Mat-ly Mezhdar. nauch. konf., posv. 300-letiju so dnja rozhdenija G. F. Millera. Jakutsk, 2006. S. 86–98.
5. *Vereshchagin E. M.*, *Kostomarov V. G.* Jazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavaniii rus. jaz. kak inostr.: Metod. rukovodstvo. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Russkij jazyk, 1983. 269 s.
6. *Gumilev L. N.* Drevnie tjurki. M.: AST: AST MOSKVA, 2007. 575 s.
7. *Ismailova Je. I.* Kitajskaja filosofija v kontekste dialoga Vostok — Zapad // Obshchechechelovecheskoe i natsional'noe v filosofii: Kantovskie chtenija v KRSU II Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija KRSU (27–28 maja 2004 g.): Materialy vystuplenij / Pod red I. I. Ivanovoj. Bishkek, 2004. S. 315–320.
8. *Krivaleva O. V.* Sopostavitelnaja harakteristika kontseptov «nebo»/ «Himmel» i «zemlja»/ «Erde» v ramkah issledovanija dannyh razlichnyh urovnej jazykovoj sistemy // Vestnik Bashkirskogo universiteta. Ufa: 2006. № 3. S. 85–89.
9. *Kubrjakova E. S.* Semantika proizvodnogo slova // Aspekty semanticheskikh issledovanij. M.: Nauka, 1980. S. 81–155.
10. Kuruubaj Haannaah Kulun Kullustuur. Jakutskoe olonho / Skazitel' I. G. Timofeev-Teplouhov. M.: Nauka, 1985.
11. *Mironova K. S.* Konceptosfera *nebo* v anglijskom i nemetskom jazykah: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2009. 19 s.
12. *Nelunov A. G.* Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar'. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1998. T. 1. 287 s.
13. *Pekarskij Je. K.* Slovar' jakutskogo jazyka: V 3 t. M., 1958–1959. 3858 stlb.
14. Sahalyy tyl sitimin tyld'yta: aat tyl (Slovar' sochetaemosti jakutskogo jazyka: imja sushchestvitel'noe) / Sost. E. N. Afanas'eva, L. M. Gotovtseva. Jakutsk: Izd-vo JAGU, 2009. 110 s.
15. *Seliverstova O. N.* Trudy po semantike. M.: Jazyki slavjanskoy kul'tury, 2004. 960 s.
16. *Sleptsov P. A.* O slovah kyəh, tañara, hallaan v jakutskom jazyke // Voprosy filologii. Ser.: Uralo-altajskie issledovanija. 2009. № 1. S. 92–94.
17. Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh jazykov / Sost.: V. A. Gortsevskaja, V. D. Kolesnikova, V. A. Konstantinova, K. A. Novikova, T. I. Petrova, V. I. Tsintsius, T. G. Bugaeva / Otv. red. V. I. Tsintsius. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1975. 472 s.
18. Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskikh jazykov. Leksika. 2-e izd., dop. / Red. E. A. Potse-luevskij / Otv. red. Je. R. Tenishev. M.: Nauka, 2001. 822 s.
19. Stepanov Ju. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. S. 824.
20. Tatarintsev B. I. O proishozhdenii tjurkskogo naimenovaniya neba (tjenre) i ego sootvetstvij // Sovetskaja tjurkologija. 1984. № 4. S. 73–84.
21. *Telija V. N.* Obraznye sredstva jazyka. M: Narodnoe obrazovanie, 1995. 200 s.
22. *Shojsorova E. S.* Jazykovaja lichnost': etnicheskij aspek : na materiale burjatskoj jazykovoj lichnosti: Dis. ... kand. filol. nauk. Ulan-Udje, 2006. 190 s.
23. *Shcherbak A. M.* Tjurksko-mongol'skie jazykovye svjazi (K probleme vzaimodejstvija i smeshenija jazykov) // tsajt Monumenta altaica www.altaica.ru.
24. Er Sogotoh. Jakutskoe skazanie // Sibirskie skazanija / Per., perelozh. i vstop. st. A. Prelovskogo. M.: Sovremennik, 1991. S. 329–394.
25. Jakutsko-russkij slovar' / Pod red. P. A. Sleptsova. M.: Sovetskaja entsiklopedija, 1972. 720 s.
26. *Barthold W.* Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. St. Petersburg, 1897. S. 1–36.